

Київська. - 1993. - 24 квіт. - с. 8.

Был ли болен дирижер?

Уже провожая меня к лифту, когда магнитофон был выключен, когда, казалось бы, многое было сказано, он признался: «Я счастливый человек. Если бы мне пришлось начать жизнь сначала, я бы все повторил. Все. Я ни о чем не жалею».

Судьба Рудольфа Баршай поразительно похожа на десятки других музыкантских судеб, тех, кто не побоялся сделать этот шаг — уехать. Его имя было одним из первых в череде имен, покинувших страну в годы застоя. Сбежал от несвободы, бюрократизма, глупости. А как еще можно назвать чиновничий страх перед заграницей, иезуитское примучивание тех, кто, может быть, никогда и не решился уехать, остаться там и оставить здесь то, что было дорого.

— Меня пригласили дирижировать Лондонским филармоническим оркестром, — рассказывает Рудольф Борисович. — Но импресарио, который организовывал эти гастроли и приехал в Москву, сказали, что я болен. Случайно он оказался у меня на репетиции. Он подбе-

жал ко мне и спрашивает: «Вы больны?» «Нет», — отвечаю я. «Поехали в аэропорт, надо срочно лететь в Лондон». — «Я не могу, у меня даже паспорта нет», — говорю. «Да вы что! На вас же все билеты проданы». И убежал в Министерство культуры. Не помню точно, к какому начальству: «Баршай не болен». «Болен», — отвечают ему. «Нет, не болен. Я только что был на его репетиции». «Нет, он болен. Мы лучше знаем». Так тогда моя поездка и сорвалась.

Живя здесь, Баршай был невыездым. Оркестр гастролировал без него, а он перед гастрольными натаскивал музыкантов на выступления без дирижера. Конечно, так долго продолжаться не могло. Уехав, Баршай обрел все. Ему действительно, наверное, не о чем жалеть. Он работал с лучшими оркестрами — Лондонским филармоническим, Берлинским филармоническим, практически со всеми английскими, многими немецкими, три года — с оркестром в Ванкувере, несколько лет — постоянным приглашенным дирижером оркест-

ра Националь де Франс. Он подданный Ее Величества Королевы Великобритании, живет в Швейцарии, в деревне с громким названием Рамленсбург.

— Когда мы там поселились, там было всего триста шестьдесят жителей. С нами триста шестьдесят два. Прекрасное место! Почему я его выбрал? Меня пригласили швейцарские друзья, которые живут в Базеле. Это в центре Европы, здесь все близко. До Лондона, куда я езжу раз сорок в год, час лета. И потом это место очень напомнило мне мою родину. Я ведь родился на Северном Кавказе. Мои предки были казаками. Так вот, это место в Швейцарии похоже на места под Железноводском. Мы купили там кусочек земли, построили дом.

Он свободен. И все-таки Баршай не мог спокойно отреагировать на вопрос, почему уехал. Конечно, сегодня можно было бы уже об этом не спрашивать. Постепенно становится нормой нашей жизни, когда люди могут работать там, где они хотят и где их хотят. Нет, Баршай действительно ни о чем не жалеет. Но точно знаю, что, несмотря на все сложности и

первый в СССР камерный оркестр, но и создал замечательные образцы исполнения Моцарта, Гайдна, Вивальди, Шостаковича. Сегодня невозможно представить себе нашу музыкальную жизнь без камерных оркестров, пожалуй, самого популярного вида исполнительского творчества среди публики. Но начиналось все с памятного концерта Московского камерного оркестра, который состоялся весной пятидесяти шестого. Это было начало.

Баршай всегда был идеальным дирижером. Не случайно после его отъезда из Союза оркестр тихо-тихо чах, Баршай был не только «первой любовью» оркестра, его основоположником. В нем соединилось все — любовь и послушание, авторитет, воля и человечность. Таких отношений, как с ним, больше у оркестра быть просто не могло. Если бы даже пришел дирижировать гений, Баршай был идеальным дирижером.

Он таким и остался. Он приехал в Москву, в Россию, когда, казалось бы, все наши «бывшие» здесь уже перебивались. И хоть он и говорит, что причина одна — занятость, все же есть в нем самая некая естественная логика, которая и привела его в Россию тогда, когда схлынул дешевый ажиотаж, сопровождавший все без исключения гастроли «наших отсюда». Афиш, как водится у нас, не было.

— Узнаю Москву, — обронил Баршай.

И все же яблоку на концертах упасть было негде.

Да, Москва есть Москва. Но Баршай есть Баршай. Он всегда из всех возможных вариантов выбирал самые сложные. На вопрос, почему же он не приехал с одним из западных оркестров, он ответил:

— Зачем, если в России есть такие прекрасные коллективы, как Большой симфонический оркестр «Останкино» и Российский национальный симфонический, которым руководит Плетнев.

И программу Баршай выбрал посложнее — редко звучащую у нас Девятую симфонию Малера и Торжественную мессу Бетховена. Вот так. Кланяться перед публикой он не будет. И все равно его любят все. И публика. И музыканты. Правда, он ведь счастливый человек.

Вера КОЛОСОВА. +

● Рудольф Баршай.

Фото А. Абазы.

глупые перипетии судьбы невыездым музыканта, годы работы с Московским камерным оркестром для него самые дорогие. Недаром ведь он так и не захотел подолгу работать ни с одним другим камерным оркестром (полтора года он был художественным руководителем Израильского камерного, Камерного оркестра Европы, который организовал Клаудио Аббадо), а потом и вовсе ушел в большие оркестры. Он очень хвалил Борноуский симфонический оркестр, с которым он проработал шесть лет. И все же в конце концов пришел к выводу, что лучше быть свободным, не связанным ни с одним оркестром в качестве худрука.

— Понимаете, я решил освободиться, чтобы принимать все интересные предложения, которые поступают. Но, конечно, в этом есть и свои минусы. Свои идеи, идеалы не передашь, когда нет чего-то постоянного.

Московский период был классическим по завершенности воплощения идей и идеалов. Баршай не только основал